

Вглядываясь в исторические автографы

Историк-энтузиаст хранит черновики подписей мировых лидеров

КАЮС НИЕМИ

«**Т**ак порвать бумагу мог только человек с нестандартным мышлением. Изодрана до последнего кусочка», – улыбается финский дипломат Микко Пюхяля, демонстрируя остатки бумажного листа, на котором покойный премьер-министр Швеции Улоф Пальме пробовал перо на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 году.

Именно в те дни мой собеседник, тогда еще 29-летний атташе, назначенный на работу в секретариате Совещания, решил сохранить на память бумагу, на которой государственные лидеры Востока и Запада проверяли заготовленные для них массивные самопишущие ручки, прежде

Эта статья в финском оригинале была впервые опубликована в газете «Хельсингин Саномат» 26 мая 2005 года. Здесь она воспроизводится с разрешения газеты. С международным изданием газеты можно ознакомиться на сайте: www.helsinki-hs.net

Микко Пюхяля (слева, в очках) с коллегами готовы оказать необходимую помощь лидерам держав, подписывающим Заключительный акт.
APA-IMAGES/Лехтикува

чем поставить свои подписи под хельсинкским Заключительным актом – тем самым документом, который, по мнению многих историков, позволил ослабить тиранию Советского Союза в Европе времен холодной войны.

Сегодня, 30 лет спустя, эти автографы вновь увидели свет – впервые с 1975 года, когда Микко Пюхяля, занимающий сейчас в ранге посла ответственный пост в министерстве иностранных дел, спрятал их в банковском сейфе.

«Я подумал, что по прошествии трех десятилетий, пожалуй, настало время показать их людям, – говорит он. – Они могут кое-что приоткрыть в человеческой психологии и культуре. Возможно, ими заинтересуются историки-биографы и исследователи, изучающие психодинамические аспек-

ты процедуры подписания».

Мысль о продаже коллекции ни разу не приходила ему в голову. «Ведь это своего рода национальное достояние», – считает он.

Канцлер Австрии Бруно Крайский пробовал перо размашистыми штрихами, а восточногерманский лидер Эрих Хонеккер проявил склонность к минимализму, ограничившись одной буквой «Е». В блокноте Николае Чаушеску, который румынский диктатор держал вертикально перед собой, остались волнистые каракули. Президент Финляндии Урхо Кекконен тренировался в написании первых букв собственного имени – “Тк” и “Ткр”.

Улоф Пальме использовал для пробы пера французские названия государств – своей родины Швеции и Святейшего Престола. «Напротив места для каждой подписи было указано название соответствующей страны на французском языке, но секретариат забыл проставить над буквами фонетические знаки, которых требует французская орфография, – вспоминает посол Пюхяля. – Я заметил, что британский премьер Гарольд Вильсон и Улоф Пальме старались сами расставить эти значки в нужных местах. Вот о чем они думали в тот момент».

Некоторые из 35 участников встречи вообще обошлись без пробных автографов.

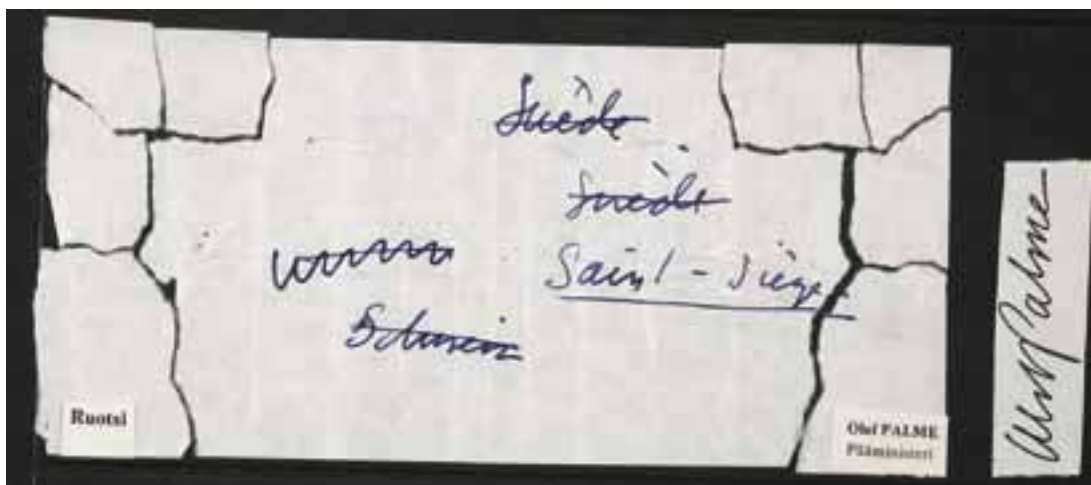
Были среди них такие, кто, испробовав перо, рвал бумагу на мелкие клочки. Эти клочки посол Пюхяля выживал из пепельниц и аккуратно склеивал. Затем он добавлял к ним для наглядности копии официальных подписей.

Для просушки чернил после каждой подписи требовалось два пресс-папье, а в наличии было лишь одно, позаимствованное в канцелярии премьер-министра. После безуспешных поисков в МИДе и других государственных учреждениях послу Пюхяля пришлось одолжить второе у собственного отца. «Обращаться в канцелярию президента мы все-таки не решились», – вспоминает он.

В последний момент не обошлось без неожиданностей. Президенту Кипра, архиепископу Макариосу III, пришлось воспользоваться собственной авторучкой, так как по протоколу Кипрской православной церкви подписывать документы ему разрешалось только красными чернилами.

При проверке перед самой встречей во дворце «Финляндия» служба безопасности обнаружила пропажу двух авторучек из шкафа, где их хранил посол Пюхяля. Чтобы исключить возможность теракта или иной диверсии, ему предложили еще раз лично осмотреть все ручки, заготовленные для глав государств. *Собранные послом Пюхяля пробные автографы и другие памятные предметы можно увидеть на специальной выставке «СБСЕ-1975» в музее Урхо Кекконена в хельсинкском предместье Тамминиеми. Выставка открыта до конца февраля 2006 года.*

Редактор газеты «Хельсингин Саномат» Каюс Ниemi родился всего за год до подписания хельсинкского Заключительного акта. Он долго работал штатным корреспондентом отдела международных новостей, освещая конфликты на Балканах и в Средней Азии, а также события, связанные с ОБСЕ.

Премьер-министр Швеции Улоф Пальме думал, что ему удалось уничтожить все свои черновики, сделанные перед подписанием: попробовав авторучку на нескольких листах бумаги, он сложил каждый в несколько раз и порвал на куски. Микко Пюхяля собрал и заново склеил обрывки. Фото публикуется с разрешения Пертти Нисонена.

На церемонии: миг ужаса и вздох облегчения

МИККО ПЮХЯЛЯ

Вообще я отвечал за снабжение и за работу буфетов и ресторанов во дворце «Финляндия», но была у меня и другая обязанность, благодаря

С приближением 30-й годовщины хельсинкского Заключительного акта посол Микко Пюхяля, отвечающий в финском МИДе за отношения со странами Азии и Океании, стал замечать, что за ним охотятся местные журналисты, стремящиеся воссоздать в своих очерках взволнованную и приподнятую атмосферу, царившую в те исторические дни во дворце «Финляндия». М. Пюхяля, воспоминаний у которого хватит на целую книгу, согласился впервые поведать некоторые из своих любимых эпизодов журнала «ОБСЕ».

которой мне довелось напрямую иметь дело с главами государств и правительств. Мне поручили координировать двусторонние переговоры в кулуарах встречи. В эти три дня, причем

С РАЗРЕШЕНИЯ ПЕРТТИ НИСОНЕНА

Посол Пюхяля с отцовским пресс-папье и одним из двух извлеченных из сейфа листов промокатальной бумаги, на которых отпечатались подписи.

лидерами Франции, США, Великобритании и других западных держав.

Чрезвычайно важным было то, что именно благодаря этому совещанию впервые встретились лицом к лицу руководители двух германских государств – Гельмут Шмидт и Эрих Хонеккер.

На церемонии подписания я и мои коллеги стояли за спиной каждого участника, готовые приложить к бумаге пресс-папье.

только за время моих дежурств, таких бесед состоялось около 120, в десятке разных помещений.

Чтобы вы представляли себе, о чем идет речь, напомним, что при тогдашних темпах международной дипломатии на организацию такого количества встреч между руководителями Востока и Запада – если бы это вообще оказалось возможным – ушло бы как минимум несколько лет. А здесь такие люди, как лидер Венгрии Янош Кадар, польский руководитель Эдвард Герек и Густав Гусак из Чехословакии вдруг по отдельности вступили в прямой разговор с

Не знаю, многие ли тогда заметили маленький спектакль, неожиданно разыгранный руководителем советской коммунистической партии Леонидом Брежневым, но некоторые из нас имели возможность наблюдать его вблизи.

Когда настала его очередь подписывать Заключение, Брежнев сделал недовольный жест пальцем, как бы означавший: «Не подпишу». Для нас это был миг ужаса, так как было известно, что некоторые круги в СССР действительно противились принятию Хельсинкского акта. Но все оказалось не более чем игрой на публику. Л. И. Брежнев уверенно взял с подставки ручку и расписался, а мы вздохнули с облегчением.

Последним свою подпись поставил югославский президент Тито. Затем все лидеры поднялись со своих мест и начали сходить с подиума. Я решил задержаться и проследить за тем, чтобы все принадлежности, использовавшиеся при подписании – авторучки, подставки и настольные блокноты – попали в надежные руки. Мы планировали раздать их делегациям соответствующих стран, большинство из которых и сами просили позволить им сохранить эти исторические предметы.

Не успели главы государств покинуть свои места за столом, как шеф протокола одной из стран Варшавского пакта внезапно вскочил на подиум и кинулся к авторучке Брежнева. К счастью, я оказался проворнее: мне пришлось буквально столкнуть его обратно в зал. Протестуя, он стал объяснять, что памятную авторучку необходимо сохранить для потомков. Заботясь именно об этом, я тут же передал ее делегации СССР.

«Крупнейшая встреча со времен Венского конгресса»

«Создается впечатление, – писал в те дни журнал «Тайм», – что все соревнуются в поисках формулировки, способной достойно отразить происходящее». В европейском издании этого еженедельника от 4 августа 1975 года был опубликован девятистраничный специальный репортаж (слева) о трех днях Хельсинкской встречи, названной в нем «парадом звезд, самым грандиозным собранием мировых лидеров со времен Венского конгресса 1814–1815 годов».

В номере «Чикаго сан-Таймс» от 31 июля говорилось, что совещание, завершившее собой более чем два года напряженных переговоров, стало «Венским конгрессом наших дней, куда главы государств прибывали уже не в золоченых каретах, а в реактивных «Боингах» и «ИЛлах».

Широко цитировался в прессе восхищенный отзыв британского премьера Гарольда Вильсона: «По совокупным размерам территории представленных на встрече государств, по уровню участников, почти все из которых были первыми лицами своих стран, от больших до самых малых – эта конференция настолько превосходит все предыдущие, что даже легендарный Венский конгресс 1814 года и Берлинский конгресс 1878 года выглядят на ее фоне не более, чем светскими посиделками за чаем».

Не удержался от гипербол и один из членов делегаций: «Хельсинкская встреча войдет в историю как нечто вроде живого музея мадам Тюссо: величайшая за все времена выставка оживших восковых фигур».

Подчеркивая беспрецедентный характер мероприятия, газета «Интернэшнл геральд трибюн» в номере от 29 июля писала: «Вспоминают о Венском конгрессе – но на нем присутствовало всего 32 августейших особы, да и те по большей части мелкие германские князья».

С РАЗРЕШЕНИЯ ЖУРНАЛА «ТАЙМ»